

С. В. Воробьев

«Кушвинское дело»: повседневная жизнь районной партийной номенклатуры в конце 1920-х годов

В статье рассматриваются негативные явления в повседневной жизни районной партийно-советской номенклатуры на примере Кушвинского района Уральской области. «Кушвинское дело», возникшее в 1928 году, обнаружило бытовое разложение (пьянство, разврат) и существование семейственности в среде региональной районной верхушки. Показаны попытки районного и окружного партийного руководства скрыть неприглядные факты из жизни районных ответственных руководителей, не дать делу ход, заблокировать критику в свой адрес. Региональная номенклатура рассматривала власть в российской традиции как «кормление» с должности. Девиантное поведение воспринималось как неофициальная привилегия представителя власти и к концу 1920-х годов принимает массовый характер.

Ключевые слова: региональная партийно-советская номенклатура; окружном; окружная контрольная комиссия райком; Уралобком ВКП (б); публичный дом; девиантное поведение.

Районная партийно-советская номенклатура представляла собой нижний уровень советской системы управления. Именно эти руководители чаще всего контактировали с людьми в повседневной жизни, были на виду. По ним общество оценивало советскую власть в целом, формировало представления об ответственных работниках. Однако далеко не всегда официально декларируемый образ честных, бескорыстных и отдающих себя людям представителей власти соответствовал реальности. «Исполняя в меру своих способностей директивы центра, они не забывали и о своих потребностях. Жизнь ответработников — это был постоянный поиск компромисса между своими интересами и интересами государства» [9: с. 89.]. И далеко не всегда чаша весов склонялась в сторону государства. «Этика значительного

числа ответственных работников 1920-х годов была далека от совершенства» [2: с. 228].

Спокойное, размеренное течение провинциальной партийной жизни в Кушвинском районе внезапно прервала опубликованная в апреле 1928 года в газете «Комсомольская правда» статья о притоне мадам Вандер-Беллен в Кушве (Дом мадам Вандер-Беллен в Кушве // Комсомольская правда. 1928. 25 апреля). В тихий омут номенклатурной идиллии Кушвинского района был брошен камень. Вскрылись неприглядные факты из жизни районных ответственных работников. Оказалось, что у районных начальников хранится много скелетов в шкафу. Возникло так называемое «кушвинское дело».

Выяснилось, что в Кушве в самом центре города был организован публичный дом. Бордель находился в удачном месте: «почти рядом с райкомом партии, в нескольких саженях от райиспокома» [1]. Притон содержала мадам «40 лет от роду» с голландской фамилией Вандер-Беллен и русским именем Надежда. Помощь ей оказывал член партии, заведующий корреспондентским пунктом биржи труда А. А. Белавин, назначенный на эту должность как выдвигенец из рабочих (ЦДООСО¹. Ф. 4. Оп. 6. Д. 167. Л. 93). Однако его талант раскрылся в амурной сфере: «Белавин больше был на своем месте, как вербовщик посетителей для притона, чем на советской работе» [1].

Публичный дом пользовался популярностью. В этом притоне проводили время не только городские обыватели и рядовые рабочие. Сюда частенько заглядывали городские и районные ответственные работники, чтобы вкушать плоды доступной любви и весело покутить. Среди жриц любви была и несовершеннолетняя пятнадцатилетняя девушка. Водка в увеселительном заведении лилась рекой: «Не хватало выпивки — посылали за новой партией. Поздно было покупать в кооперативных магазинах — посылали в шинки². Отказа не было нигде, ибо достаточно было сказать условное слово “золотой”, как появлялась водка в неограниченном количестве» [1: с. 3]. «Оргии в притоне происходили каждый день. [...] Излюбленными посетителями, которым в притоне был особый почет и уважение, являлись представители кушвинской верхушки — партийцы и ответработники» (Дело мадам Вандер-Беллен. Суд над «героями кушвинщины» (продолжение) // Уральский рабочий. 1928. 26 июня. С. 4). Постоянными посетителями этого заведения были председатель Кушвинского горсовета А. И. Бессонов и член бюро райкома партии Шубин, а также другие ответственные работники: Горбунов, Дресвяников, Иванов, Трефилов. «Вандер-Беллен стремилась привлекать в свой притон исключительно ответственных работников. Делалось это по двум соображениям: обезопасить притон от закрытия и получить наибольшую материальную выгоду» [1]. Содержательница притона, чувствуя поддержку облеченных властью клиентов вела себя демонстративно: вывесила над своим домом традиционный

¹ Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО).

² Шинок — место незаконной продажи спиртных напитков.

красный фонарь публичного дома. Высокопоставленные клиенты, не сдерживаясь рамками морали, вели себя зачастую очень буйно. Председатель горсовета Бессонов «разрешал себе поведение, которое возмутило даже содержательницу притона, и она пожаловалась на него... в райком партии» [5].

Мадам Вандер-Беллен делила клиентов своего заведения на «порядочных» и «лапотников». Порядочными считались те, кто давал много денег на водку, а кто мало — лапотниками. К порядочным клиентам она причисляла, например, директора Кушвинского завода Босова и партийного функционера Шубина (Дело мадам Вандер-Беллен. Суд над «героями кушвинщины» // Уральский рабочий. 1928. 24 июня. С. 4).

О деятельности публичного дома начальник кушвинской милиции Власов доложил ответственному секретарю Кушвинского райкома ВКП (б) Кускову. «Власов показал ему список “ответственных” посетителей притона и спросил: Прикажете под суд отдать или вам оставить? Кусков ответил: Оставьте, мы их вызовем и “накачаем”» [5]. Позднее заведующий орготделом Кушвинского окружкома Потаскуев, откровенно от обвинений в семейственности и бездействии в отношении Шубина, Белавина и других, объяснял свое поведение следующим образом: «Решил не брать на себя ответственности, а пошел к Кускову, который был болен, чтобы с ним посоветоваться как быть. Далее, разбор дела он отложил из-за более важной работы, т. к. этой истории не придал должного значения» (Уроки Кушвинского дела // Уральский рабочий. 1928. 27 мая. С. 2).

Тем не менее провинившихся вызвали на заседание бюро райкома партии, но вместо серьезного разбирательства их по-дружески пожурили и вынесли мягкое наказание. Шубин отделался выговором, а Бессонов вообще не понес никакого взыскания. Это объяснили тем, что он «выдвиженец», которому надо любой ценой создавать авторитет [5]. В то же время ни руководителя райкома, ни членов бюро райкома не смутил сам факт существования публичного дома. Никаких действий к его закрытию предпринято не было. Решение партийного органа, принятое келейно, не было предано широкой общественной огласке: «свое мягкосердечное решение бюро райкома партии не сделало достоянием гласности, а всячески держало под спудом, усердно покрывая кучку разлагающихся коммунистов» [Там же]. Но, несмотря на это, оно не стало тайной для рядовых коммунистов и рабочих города и района. Подобная семейственность в рядах районного руководства, желание сохранить «хоть плохих, но своих» подрывала авторитет власти в глазах людей, негативно влияла на районную партийную организацию. Рядовые члены партии находили оправдание для своих антикоммунистических поступков, заявляя, что «“ответственные”, мол, не то делают и им прощают» [Там же].

Кусков очень не хотел, чтобы информация о фактах разложения ответственных работников вышла за пределы района. По его требованию районный прокурор занял уголовное дело, возникшее по поводу деятельности притона.

Ни один из коммунистов, причастных к этому делу, допрошен не был. Заявление двух членов партии с требованием предать гласности дело мадам Вандер-Беллен «было где-то потеряно секретарем райкома партии» [Там же]. Однако негативные факты из жизни района утаить не удалось.

Статья в «Комсомольской правде» вызвала широкий резонанс в области. Ее результатом стала организация проверок. Сначала в район Нижнетагильским окружкомом была направлена комиссия для изучения вопроса. Видимо, окружное руководство также не хотело поднимать большой шум, поэтому послало для разбирательства кушвинской ситуации не принципиального Миллера, а его заместителя по орготделу окружкома М. И. Ивашева. В результате «посланная окружкомом в апреле комиссия для обследования Кушвинской районной организации во главе с зам. заворготделом тов. Ивашевым, выявив ряд серьезных недочетов в работе РК, не сделала из этого правильных выводов в смысле объективной оценки работы райкома, совершенно не коснулась вопросов внутрипартийного состояния организации, что приукрасило общую оценку районного руководства. Такой подход комиссии не обеспечил деловых указаний райкому и товарищеской помощи в работе» (Постановление бюро Уралобкома ВКП (б) // Уральский рабочий. 1928. 20 мая. С. 3). Подобный невнятный результат работы комиссии под руководством Ивашева был предсказуемым. Он являлся идеальным кандидатом на роль проверяющего. У него самого, как говорится, рыльце было в пушку: он распоряжался профсоюзными средствами как своими собственными. По данным заведующего орготделом Нижнетагильского окружкома Миллера, М. И. Ивашев совершил «непартийный поступок»: «будучи председателем ОК горняков в течение почти года тратил союзные деньги на личные нужды, так называемая “задолженность” выразилась в сумме приблизительно 800 руб[лей]» (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 101. Л. 112). Кроме этого, у него имелась задолженность перед Центральным рабочим кооперативом в размере 112 рублей. Ивашев стал погашать долги только после того, как получил от окружкома партии денежное пособие в размере 350 рублей. «Тов. Ивашевым внесено наличными в уплату долга 25-го мая 119 р. 19 к., 29-го мая — 300 р. и 31-го мая — 100 р. Итого внесено 519 р. 19 к. Остаток долга на 1-е июля 200 р.» Окружная контрольная комиссия предложила Ивашеву ликвидировать задолженность в течение 3 месяцев «и не допускать таковой в дальнейшем» (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 101. Л. 16–17). В бытность свою руководителем Алапаевского райкома партии он «культивировал семейственность и пьянство» (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 101. Л. 112). Однако все это не помешало окружкому партии выдвигать кандидатуру этого коммуниста, запускавшего руку в чужой карман, на различные руководящие должности — заведующего агитационно-пропагандистским отделом окружкома, председателя окружного профбюро. В конце концов, несмотря на то что, как отмечал тот же Миллер, «роль т. Ивашева, как пред[седателя] следовательской комиссии Кушвы в замазывании Кушвинского дела обкому известна и осуждена»

(ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 101. Л. 112) и на те претензии, которые предъявлялись комиссии во главе с М. И. Ивашевым со стороны областного партийного руководства 15 июля 1928 года он был назначен окружкомом партии ответственным секретарем Нижнетагильского горрайкома ВКП (б) (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 101. Л. 113). Однако его секретарство оказалось недолгим, так как приехавший из Москвы с проверкой член Президиума ЦКК ВКП (б) Н. М. Осьмов «поставил вопрос в окр[ужной] КК и окружком: удобно ли Ивашеву работать секретарем райкома. Президиум окр[ужной] КК решил, что считает невозможным оставление секретарем т. Ивашева» (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 101. Л. 17).

После вскрытия неприглядных фактов в деятельности кушвинского руководства Нижнетагильский окружком вместо того, чтобы решительно пресечь творившиеся безобразия и наказать виновных, наоборот всячески старался замять дело, не выносить сор из избы и попытаться увести провинившихся ответственных работников от ответственности. Как отмечал в докладной записке в бюро Уралобкома ВКП (б) заведующий орготделом окружкома Миллер, «вместо того, чтобы содействовать бюро обкома скорейшему и более полному вскрытию Кушвинского дела и извлечения необходимых уроков для всей организации бюро ОК противопоставило себя линии бюро обкома» (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 101. Л. 111).

Вызванные в мае 1928 года в Свердловск на заседание бюро Уралобкома ВКП (б) члены бюро Нижнетагильского окружкома на своих предварительных совещаниях в присутствии ответственного секретаря Кушвинского райкома Кускова вырабатывали линию защиты своих подчиненных перед областным партийным руководством. Было решено внести в бюро обкома протест (сначала устный, а затем письменный) против рассмотрения данного вопроса на бюро обкома партии. Протест мотивировался тем, что вопрос не был предварительно обсужден на заседании окружкома. Члены бюро окружкома также пришли к выводу о необходимости «защиты т. Ивашева и Кускова». Подписать протест было предложено и Миллеру как члену бюро окружкома, но он отказался, заявив о неправильности этой линии (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 101. Л. 111). На этом совещании присутствовал и член бюро окружкома В. Д. Бартов — бывший ответственный секретарь Кушвинского райкома, кровно заинтересованный в том, чтобы дело не было расследовано, так как это могло коснуться и его, вскрыть темные стороны его руководства в районе.

Позднее дело Бартова рассматривала Нижнетагильская окружная контрольная комиссия. Бартов, который был назначен ответственным секретарем Кушвинского райкома партии еще в 1922 году, обвинялся «в систематическом пьянстве, семейственности, использовании своего служебного положения» (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 101. Л. 112). Это указывает на то, что язвы («ненормальности»), выявленные в Кушвинской партийной организации в 1928 году, имели давнюю историю, были заложены предыдущими руководителями.

Имевшиеся в распоряжении окружной контрольной комиссии материалы на Бартова, свидетельствовали, что «до последнего времени он разлагался» (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 101. Л. 112). Окружная комиссия вынесла в отношении Бартова следующее решение: «снять с ответственной работы с запрещением занимать такую в течение 3-х лет с объявлением строго выговора с предупреждением». Однако у ответственного секретаря Нижнетагильского окружкома И. Ф. Масленникова по этому поводу было свое мнение. В период заседания комиссии проходил Межсоюзный съезд (съезд профсоюзных организаций округа). Вопреки решению контрольной комиссии парткомиссия съезда, возглавляемая Масленниковым, включила Бартова в новый состав бюро окружного профсовета (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 101. Л. 112).

При согласовании этого решения на заседании бюро окружкома возникли резкие разногласия между зав. орготделом окружкома Миллером, инструктором обкома В. П. Шахгильдяном и руководителем пропагандистской группы ЦК Быстрых, с одной стороны, и остальными членами и кандидатами в члены бюро Нижнетагильского окружкома — с другой. Победила точка зрения окружкома партии. В результате решение контрольной комиссии было пересмотрено: постановили отменить запрет занимать Бартову ответственные посты и недопустимость его ввода в руководящие органы. На заседании выступил редактор окружной газеты «Рабочий» В. Е. Бузунов, который охарактеризовал Бартова «как жертву нового курса партии». Имелась в виду установка высшего партийного руководства на развитие самокритики. Председатель окружной контрольной комиссии Калнин не стал отстаивать свою позицию и согласился пересмотреть дело Бартова (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 101. Л. 112).

В целом линия поведения окружного руководства заключалась в стремлении минимизировать последствия разбирательств по злоупотреблениям и девиантному поведению окружных и районных руководящих партийно-советских работников, в вынесении им по возможности мягкого наказания (без исключения из партии и привлечения к уголовной ответственности, перевод на другое место работы). В своей докладной записке член Президиума ЦКК ВКП (б) Н. М. Осьмов указывал: «В отношении работы окр[ужной] КК должен сказать, что в отношении отв[етственных] работников она не проявила решительных мер борьбы. В этом отношении неправ и окружком, смягчая решения окр[ужной] КК» (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 101. Л. 17). Непримирымый борец с пороками в партийной среде заведующий орготделом окружкома Миллер отмечал, что «проявленная линия бюро ОК по Кушвинскому делу не случайная» (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 101. Л. 111).

Вместо того чтобы направить свою энергию на решительное устранение выявленных недостатков, руководство Нижнетагильского округа начало гонения против тех, кто обнародовал негативные факты из жизни кушвинской партийно-советской верхушки. Возмутитель спокойствия рабочий корреспондент Андреев был исключен из рабкоров и снят с работы. Андреев работал

счетоводом на Кушвинском заводе. Для установления правильности его увольнения была организована большая экспертная комиссия «в составе: народного следователя Жукова, 3-х опытных бухгалтеров и одного счетовода» (РГАСПИ³. Ф. 17. Оп. 69. Д. 615. Л. 69 об.). Естественно, комиссия нашла многочисленные нарушения в работе Андреева и подтвердила правильность увольнения. Окружная контрольная комиссия сделала заключение, что «доводы в газетной заметке, что увольнение Андреева связано с его рабкорской деятельностью являются необоснованными. Комиссия считает, что увольнение вполне законно» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 615. Л. 69 об.).

«Тоже самое было сделано в отношении Банных, который был исключен из партии» (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 101. Л. 12). Однако на требование райкома РКП (б) сдать партийный билет Банных ответил отказом: «руки грязны у райкома, чтобы я им отдал билет» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 615. Л. 74). Помимо административного нажима рабкор И. А. Банных испытал на себе физическое воздействие со стороны обличаемых им ответственных работников. 20 мая 1928 года к нему на улице подошел заведующий отделением «Уралторга» В. И. Селиванов, взял за руку со словами: «Что ты треплешь на меня, как баба», и затеял с ним драку (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 615. Л. 69).

В постановлении Нижнетагильской окружной контрольной комиссии от 2 июня 1928 года отмечалось, что «рабкоры Андреев и Банных явно злоупотребляют званием рабкоров (рабкор Андреев дошел до прямого неподчинения ответственным работникам завкома, Банных за ряд безобразий исключен из партии) и ведут разлагающую работу среди масс (заявление б[ез]п[артийным] рабочим: “один РК разогнали и этот разгоним”, обвинение партии в трудностях с хлебоснабжением». В связи с этим предлагалось поставить вопрос перед областной контрольной комиссией и редакцией газеты «о целесообразности оставления их рабкорами “Уральского рабочего”» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 615. Л. 76–76 об.). Это предложение контрольной комиссии было поддержано бюро Нижнетагильского окружного комитета партии (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 615. Л. 75). Однако областная контрольная комиссия приняла другое решение. Рабкоры Андреев и И. А. Банных были восстановлены в своих правах, а Банных восстановлен в партии (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 101. Л. 12).

Рабкор Андреев уже давно досаждал своей деятельностью окружному руководству. Начиная с 1925 года он писал критические заметки, публиковавшиеся в «Правде», «Гудке», «Уральском рабочем» и других газетах. Редакции газет отправляли информацию в окружную контрольную комиссию для реагирования, а она спускала ее по инстанции уполномоченному окружной контрольной комиссии по Кушвинскому району, т. е. фактически к тем, о ком и писал Андреев. В результате «начиная с [19]25 г. против рабкора Андреева ведется определенная травля, снимают с него всякие допросы, все это за то, что он много пишет о всяких недостатках» (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 101. Л. 12–13).

³ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).

Неудобной фигурой в этом плане был также заведующий орготделом Нижнетагильского окружкома партии Миллер, который был тагильскому руководству как кость в горле. Он не был для них своим, потому что был назначен на эту должность обкомом партии совсем недавно, в марте 1928 года. Его воспринимали как чужака, как креатуру областного руководства. Окружные партийные руководители хотели избавиться от него, так как были уверены, что «обком послал заворга, дав ему поручение организовать оппозицию против ОК» (РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1444. Л. 52). К тому же он оказался честным, принципиальным коммунистом и своей непримиримой позицией мешал окружным начальникам замять «кушвинское дело» и другие дела, связанные со злоупотреблениями и проступками окружных и районных ответственных работников. В общем, мешал спокойно жить.

По этим причинам Миллеру приходилось работать в непростой обстановке. Окружное партийное руководство всячески препятствовало его работе: «ему не дают возможности даже выехать на места ознакомиться [с обстановкой]» (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 101. Л. 17). Фактически он находился в режиме изоляции. Он сообщал по этому поводу в Уралобком ВКП (б): «с моей стороны неоднократно указывалось членам бюро, что обстановка вокруг меня, как заворга ОК является ненормальной. Вопросы орготдела ставились на бюро и в секретариате без ведома зав. орг[отделом] секретарем или зам. орг[отдела]» (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 101. Л. 112). Его отстранили от решения кадровых вопросов, находящихся в прямой компетенции заведующего орготделом окружкома. «Важнейшие вопросы укомплектования работниками, как аппарата орготдела ОК, так и руководящими работниками районов, например: о зам. заворге, инструкторе ОК, секретаре Тагильского, Алапаевского, Лялинского, Н[ижне]туринского, Висимского, Кытлымского и др[угих] РК, прорабатывались и вносились на бюро не орготделом, а персонально и только секретарем ОК» (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 101. Л. 113).

Позднее в Кушву выехала специальная комиссия во главе с председателем областной контрольной комиссии А. И. Ларичевым. В состав комиссии были включены А. Н. Гусев — заведующий агитационно-пропагандистским отделом обкома; И. Ф. Масленников — ответственный секретарь Нижнетагильского окружкома ВКП (б); член бюро обкома ВКП (б) Филев и В. П. Шахгильдян — ответственный инструктор обкома. В начале лета из Москвы для проверки работы Нижнетагильского окружкома, и в частности для разбирательства в кушвинской ситуации, прибыл высокопоставленный партийный работник — член Президиума ЦКК ВКП (б) Н. М. Осьмов.

В результате работы областной комиссии среди ответственных руководителей района были выявлены «частые случаи попоек, развратничания, рост растрат» (Постановление бюро Уралобкома ВКП(б) // Уральский рабочий. 1928. 20 мая. С. 3). Как отмечают А. Я. Лившин и И. Б. Орлов, в 1920-х годах «пьянство провинциального начальства зачастую носило откровенно вызывающий характер, превращаясь в образ жизни, в одну из фундаментальных

характеристик облика Советской власти на местах» [4: с. 79]. Рост растрат был вполне объясним, ведь за удовольствия ответственным работникам надо было платить и желательно не из своего кармана. Выяснилось, что члены районного руководства «творили всяческие безобразия, разложились, делали даже уголовные преступления и под сенью райкома партии такие “члены партии” продолжали оставаться в партии» (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 167. Л. 91).

Подобное поведение ответственных работников вызывало сильное раздражение у местного населения и рядовых коммунистов. Однако в кушвинской партийной организации руководство пресекало любую критику в свой адрес, практика самокритики со стороны руководства района также не приветствовалась. Коммунисты, высказывавшие свое недовольство сложившейся ситуацией, «наталкивались, в лучшем случае, на невнимательность к ним райкома и сопротивление, угрозы и определенный зажим со стороны отдельных руководителей из верхушки организации» (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 167. Л. 91). Заведующий орготделом окружкома Потаскуев «по всеобщему признанию занимался тем, что одергивал тех, кто выступал с критикой и этим вселял такой страх, что убивал всякие попытки критики» (Уроки Кушвинского дела // Уральский рабочий. 1928. 27 мая. С. 2). Местные партийцы жаловались проверяющим на «нетактичные окрики по адресу выступающих со стороны ответруководителей РК, отдельные коммунисты, как в беседах с членами комиссии, так и на собрании актива, уклонялись от критики по адресу райкома» (Постановление бюро Уралобкома ВКП (б) // Уральский рабочий. 1928. 20 мая. С. 3), видимо, считая, что комиссия ничего не решит, уедет, а им здесь жить.

Таковыми действиями районные «вожди» грубо нарушали установку И. В. Сталина и высшего партийного руководства страны на всемерное развитие самокритики и борьбу с семейственностью. С трибуны XV съезда партии Сталин разъяснял коммунистам важность самокритики: «Если мы [...] будем закрывать глаза на наши недочеты, будем разрешать вопросы семейным порядком, замалчивая взаимно свои ошибки и загоняя болячки вовнутрь нашего партийного организма, — то, кто же будет исправлять эти ошибки, эти недочеты? Разве не ясно, что мы перестанем быть пролетарскими революционерами, и мы наверняка погибнем, ежели не вытравим из своей среды эту обывательщину, эту семейность в решении важнейших вопросов нашего строительства? Разве не ясно, что, отказываясь от честной и прямой самокритики, отказываясь от честного и открытого исправления своих ошибок, мы закрываем себе дорогу для продвижения вперед, для улучшения нашего дела, для новых успехов нашего дела?» [6: с. 70–71].

По результатам проверки комиссии было принято решение бюро Уралобкома ВКП (б) по «кушвинскому делу». В постановлении бюро Уралобкома отмечалось: «Моральное состояние части районного и, в особенности, кушвинского городского актива неудовлетворительно». Отмечены многочисленные случаи нездоровых проявлений в среде партийно-советских ответственных

работников. Однако «борьба с этими явлениями ведется явно недостаточно и неправильными методами: вместо необходимой мобилизации общественного партийного мнения вокруг них, ограничиваются личным внушением со стороны секретаря или заворга РК. Такой метод придавал борьбе семейный характер и породил среди рядовых членов партии недовольство бездействием РК.

Руководители районной организации и партактива Кушвы не проявляли достаточной чуткости к указаниям отдельных товарищей [другими словами, игнорировали. — С. В.] на безобразия со стороны ряда ответственных работников и не принимали необходимых мер по их решительному изживанию» (Постановление бюро Уралобкома ВКП (б) // Уральский рабочий. 1928. 20 мая. С. 3).

Уралобком ВКП (б) подверг критике попытки районного партийного руководства замолчать дело, а также методы решения проблемы, которые были охарактеризованы как семейственные. Отмечалось, что «секретарь РК т. Кусков и заворг РК т. Потаскуев не только не пошли навстречу попыткам отдельных партийцев дать делу судебный ход, но даже противодействовали этому, прибегая преимущественно к личному внушению, не мобилизовав вокруг дела о притоне партийного общественного мнения. Уполномоченный КК по району тов. Елесин проявил недопустимую медлительность и нерешительность в своей работе». Нижнетагильскому окружкому партии было вынесено порицание за то, что «кушвинское дело» не было вынесено на обсуждение окружкома, «хотя оно было известно руководящей части ОК», а также за то, что «окружком, зная о безобразиях в Кушве, не информировал своевременно обком» (Постановление бюро Уралобкома ВКП (б) // Уральский рабочий. 1928. 20 мая. С. 3).

Вскрытие неприглядных фактов из жизни районного партийно-советского актива повлекло за собой организационные выводы. Всем членам бюро райкома партии (Кускову, Потаскуеву, Башорину, Жуковой, Тягунову, Болотову, Синякову, Шубину, Бронских) был объявлен выговор «за противодействие судебному разбирательству, за мягкость решения по делу Шубина, Бессонова и др[угих] и за отсутствие достаточной чуткости к заявлению рядовых партийцев по поводу безобразий отдельных ответработников». Партийно-советская верхушка района понесла наказание: были сняты со своих должностей ответственный секретарь райкома партии Кусков и зав. орготделом райкома Потаскуев, председатель горсовета Бессонов. Бессонов и Шубин были выведены из состава бюро райкома ВКП(б). Также сняли с работы председателя фабрично-заводского комитета Кушвинского завода И. С. Коньшина (Постановление бюро Уралобкома ВКП (б) // Уральский рабочий. 1928. 20 мая. С. 3). Знающие Коньшина люди характеризовали его как человека, «занимавшегося систематическим пьянством. Райком знал об этом, но ничего не предпринимал» (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 167. Л. 93). В конце мая прошла районная партийная конференция, на которой избрали новый состав райкома партии. Областной прокуратуре было поручено закончить следствие и привлечь к ответственности виновных и бездействовавших представителей власти.

На собрании актива Нижнетагильской парторганизации 23 мая 1928 года выступил А. И. Ларичев с выводами по «кушвинскому делу». Он отметил, что для разложившейся руководящей верхушки района были характерны «семейственность, безобразия». В отношении окружка партии был брошен упрек в том, что «окружной комитет партии о “кушвинских делах” знал еще в апреле, но энергичных мер борьбы с “кушвинщиной” не принял, ограничившись лишь поручением члену бюро ОК расследовать дело, а тот дело до конца не довел (имеется в виду М. И. Ивашев. — С. В.)» («Кушвинщина» перед судом Тагильской парторганизации // Уральский рабочий. 1928. 26 мая. С. 2). При этом окружком об этом деле обком партии не проинформировал.

На проходившем в конце мая пленуме Нижнетагильского окружка Ивашев попытался оправдать действия возглавлявшейся им комиссии и переложить ответственность на руководство Кушвинского района: «Наша ошибка по делу Беллен заключалась в том, что силами нашей комиссии мы не могли переварить все эти вопросы. Мы дали задание уполномоченному КК, но не проверили» (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 167. Л. 94). На это ему возразил присутствовавший на пленуме инструктор обкома ВКП (б) В. П. Шахгильдян: «Грех комиссии ОК не в том, что она не проверила выполнение директивы уполномоченным ОКК (окружной контрольной комиссии. — С. В.), а в том, что комиссией неправильно сделана оценка состояния и работы Кушвинской организации» (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 167. Л. 96). В оправдательном духе прозвучало и выступление руководителя Нижнетагильского окружка И. Ф. Масленникова: «В начале апреля мес[яца] мы узнали о кушвинских безобразиях, я позвонил Кускову, предложив принять самые серьезные меры по устранению недостатков. [...] Я думал, что райком сам в состоянии разрешить недостатки и через ОКК сделать всё необходимое» (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 167. Л. 97). Отсутствие выявленных случаев разложения районного руководства по результатам предыдущих многочисленных проверок Кушвинской парторганизации он объяснял тем, что «нарыв еще не назрел» (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 167. Л. 98). Такая позиция, реабилитирующая окружком партии, шла вразрез с мнением обкома, изложенным в его постановлении, о вине окружного руководства, которое вовремя не расследовало «кушвинское дело».

Нижнетагильский окружком до последнего старался не афишировать результаты разбирательства по «кушвинскому делу» и не посвящать широкую партийную общественность округа в решение областного руководства. Редактор окружной газеты «Рабочий» В. Е. Бузунов всячески затягивал публикацию постановления бюро обкома, несмотря на требования представителя областной газеты «Уральский рабочий» М. Брусянского. Своими действиями редактор газеты фактически саботировал прямое распоряжение обкома партии о том, что его постановление по «кушвинскому делу» необходимо «разослать всем ОК-РК и опубликовать в печати» (Постановление бюро Уралобкома ВКП(б) // Уральский рабочий. 1928. 20 мая. С. 3). И только после санкции членов бюро

окружкома партии Бузунов опубликовал в окружной газете лишь «выдержки из постановления бюро обкома» (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 101. Л. 111). Такие действия руководителя газеты по сокрытию информации выглядели несколько странно, так как постановление бюро обкома партии было размещено в «Уральском рабочем» 20 мая 1928 года, и жители округа могли с ним свободно ознакомиться.

Уже после отъезда комиссии А. И. Ларичева из Кушвы возникло второе «кушвинское дело». В Нижнетагильскую окружную контрольную комиссию поступили сообщения от рабкоров Андреева и Банных (письмо Андреева от 17 мая 1928 года на имя председателя окружной контрольной комиссии Калнина и письмо Банных от 17 мая 1928 года на имя председателя областной контрольной комиссии Ларичева) (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 101. Л. 11). В письмах сообщалось о новых неприглядных фактах в Кушве: открытие нового притона в клубе им. Кузьмина, беспорядки в завкоме Кушвинского завода и т. д.

После заявлений рабкоров в Кушву снова была отправлена еще одна комиссия окружкома и окружной контрольной комиссии в следующем составе: Вавуленко — председатель комиссии, член президиума окружной контрольной комиссии; Светлаков — член окружной контрольной комиссии; Кузнецов — помощник прокурора Тагильского округа. Большая часть фактов, указанных в публикации «Уральского рабочего» и заявлении рабкора Андреева, подтвердились.

Комиссия выявила факты денежных растрат руководителями завкома Кушвинского завода. За председателем завкома И. С. Коньшиным числилась задолженность в размере 291 руб., член завкома Плотников растратил 1228 руб., размер растрат со стороны члена завкома Ф. И. Коковина на момент работы комиссии еще не был установлен (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 615. Л. 70).

Информация об организации в клубе им. Кузьмина публичного дома не подтвердилась. Но было установлено, что в клубе проходили пьянки кушвинских ответственных работников, «а также были случаи драки» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 615. Л. 70 об.). В пьянках принимали участие бывший на тот момент директором Кушвинского завода П. Логинов, руководители завкома И. С. Коньшин и Ф. И. Коковин, заведующий отделением «Уралторга» В. И. Селиванов, член бюро окружкома партии Шубин и ряд других товарищей.

Приятно отдохнуть ответственные работники могли также в квартире члена ВКП (б) А. А. Перминовой, где был организован шинок. Ответственные товарищи посещали квартиру не только для общения с «зеленым змием», но и «для интимных целей» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 615. Л. 70 об.). В сексуальных утехах посетителей участвовала не только Перминова, но и ее соседка по квартире коммунистка Е. Красикова, а также их знакомая член партии Н. Я. Смирнова. По данным комиссии «не подтверждается платность посещений» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 615. Л. 71). Таким образом, коммунистки занимались этим сомнительным ремеслом не из корыстных

побуждений и деньги за предоставленное удовольствие с товарищей по партии не брали.

Расследование комиссии показало, что кушвинские ответственные работники, используя служебное положение, приобретали коммунальное имущество и занимались хищениями. «Действительно Бартовым, Харламовым и Мячевым были приобретены коммунальные дома» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 615. Л. 71). Харламов «расхищал коммунальное и клубное имущество». М. Мячев купил, а затем продал комхозовский дом и тоже расхищал коммунальное имущество. У Бердышева и Мезенцева также имелись «соответствующие проступки» (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 101. Л. 12). Было установлено, что порядок приобретения домов «носил семейный характер, это обстоятельство подтверждается тем, что продажа происходила без торгов (как это требуется по закону, отсутствия каких-либо актов, подтверждающих необходимость продажи)» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 615. Л. 71). Помощник управляющего горы Благодати Михаил Мячев являлся родственником братьев Чиксановых (один из них — председатель Кушвинского райисполкома, другой — заведующий отделом местного хозяйства) (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 615. Л. 72).

Но, как сообщал член президиума ЦКК ВКП (б) Н. М. Осьмов, фигуранты дела (Харламов, М. Мячев, Бердышев, Мезенцев) к ответственности привлечены не были (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 101. Л. 11–12). Сложность расследования окружная контрольная комиссия объясняла тем, что «в архивах РИКА и горсовета, документов, устанавливающих куплю-продажу, не найдено» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 615. Л. 71). «Для точного установления злоупотреблений с покупкой домов, необходимо глубокое расследование» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 615. Л. 71 об.)

Таким образом, районные ответственные работники и служащие не хотели расставаться со своими привычками, игнорируя распоряжения вышестоящего партийного руководства. В их поведении сквозила уверенность в своей вседозволенности и безнаказанности. Так, В. И. Селиванов, исключенный из партии по второму «кушвинскому делу», на заседании рабкоров выступал с нападками на рабкоров Андреева и Банных, которые сыграли не последнюю роль в придании огласке кушвинских безобразий (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 101. Л. 12).

В конце июня в Кушве начался суд над фигурантами первого дела. Большинство участников дела смогли избежать уголовного преследования, отделавшись выговорами, снятием с должности и исключением из партии и выступали на суде в качестве свидетелей. На скамье подсудимых оказались лишь четверо: мадам Вандер-Беллен, Белавин, председатель горсовета Бессонов и агент уголовного розыска Токарев. Вандер-Беллен и Белавин обвинялись по ст. 155 УК РСФСР (Принуждение к занятию проституцией, сводничество, содержание притонов разврата, а также вербовка женщин для проституции), Бессонов и Токарев по ст. 113 УК РСФСР (Дискредитирование власти). В своем последнем слове Белавин и Бессонов просили суд принять во внимание

их прошлые заслуги и смягчить наказание. Содержательница притона мадам Вандер-Беллен и Токарев от последнего слова отказались [1]. Приговор суда был вынесен 24 июня 1928 года. Надежда Карловна Вандер Беллен была приговорена к четырем годам лишения свободы и поражению в правах на три года. А. А. Белавин получил три года шесть месяцев лишения свободы с поражением в правах на два года и запрещением занимать ответственные должности в советских, кооперативных и профессиональных организациях в течение трех лет. А. И. Бессонова приговорили к одному году лишения свободы. Запрета занимать ответственные должности в отношении него суд не вынес. Видимо, в случае с Бессоновым сказалась практика «смягчения» судебной ответственности для номенклатурных руководителей [7: с. 131]. Агент уголовного розыска А. И. Токарев, виновность которого не подтвердилась, был судом оправдан [1].

По второму, менее громкому «кушвинскому делу» также был принят ряд мер. По решению окружной контрольной комиссии бывшему руководителю Кушвинского окружкома В. Д. Бартову объявили строгий выговор с последним предупреждением, он был снят с должности председателя райкома Всесоюзного союза рабочих металлистов и отправлен на производство. Комиссия поставила перед окружным комитетом ВКП (б) вопрос о выведении Бартова из состава бюро окружкома и пленума окружкома ВКП (б) (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 615. Л. 77–77 об.). Районному прокурору было предложено «в срочном порядке провести дополнительное расследование» в отношении купли и продажи коммунальных домов в г. Кушве Бартовым, Мячевым и Харламовым (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 615. Л. 76).

Понесли наказание и другие фигуранты дела. А. А. Перминова, Е. Красикова и Н. Я. Смирнова «за некоммунистические поступки и за нарушение партэтики» были исключены из рядов ВКП (б). Постоянные посетители шинка: бывший директор Кушвинского завода П. Логинов и председатель завкома И. С. Коньшин — также были исключены из партии. За пьянство и посещение дома Перминовой члены ВКП (б): заместитель управляющего горы Благодати П. П. Дементьев, член завкома Кушвинского завода П. Федотов и секретарь завкома А. Кузьмин — получили строгий выговор, были сняты с руководящей работы и отправлены на производство по специальности. Остальные посетители «нехорошей квартиры»: В. Тачкин, Г. Варушкин, М. Гусев, И. Лисицин и В. И. Селиванов — также получили по строгому выговору (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 615. Л. 76).

Как оказалось, «кушвинское дело» было лишь вершиной айсберга, одним из ряда многих подобных дел, возникших в Уральской области в 1928 году. В большом количестве стали всплывать факты разложения районных руководящих работников. Только в Тагильском округе помимо Кушвинского дела возникли «Верхотурское дело, Лобвинское дело, Лялинское дело, Ивдельское дело, Н[ижне]туринская склока, Висимское пьянство, Синячихинский пьяный разврат (Алапаевского района), Петрокаменское дело (“Южаковщина”

и искривление классовой линии в деревне), Н[ижне]тагильский район (пьянство группы Первухина)». И как отмечал Миллер, «этот перечень далеко не исчерпывает всех элементов разложения районных партактивов» (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 101. Л. 112).

Таким образом, функционирование власти «на местах сопровождалось негативными для РКП (б) – ВКП (б) социальными явлениями, приобретенными в 1920-е гг. массовый характер» [8: с. 212]. Эти массовые явления обнаружили неприятную тенденцию в повседневной жизни районной партийно-советской номенклатуры конца 1920-х годов. Дойдя до вершин власти даже районного уровня, представители правящего слоя готовы были пожинать плоды этого восхождения. Власть рассматривалась ими в российской традиции как «кормление» с должности. Само собой подразумевалось, что «лицо, облеченное властью, никогда не упускает возможности покормиться от нее» [3: с. 5]. Вхождение во власть означало улучшение материальных условий существования ее обладателей. Но потребности человека безграничны. Кормленческая функция власти порождала представления и о вседозволенности. «По всей вероятности, снять гнет законности со своей деятельности мечтали многие работники местных аппаратов власти. Искушений было весьма много...» [4: с. 77]. Человек во власти в своей повседневной жизни считал возможным пренебрегать социальными и моральными нормами без негативных для себя последствий. Девиантное поведение воспринималось как неофициальная привилегия представителя власти.

Ощущая вседозволенность, районная номенклатура занималась конструированием второго параллельного социального мира в советской действительности. В первом мире ее представители были коммунистами, облеченными властью и строящими самый передовой общественный строй, основанный на принципах социальной справедливости и социального равенства. В этом контексте официальные партийные практики и политическая парадность воспринимались как некий ритуал обязательный к исполнению, который являлся ширмой для другой теневой жизненной реальности. Настоящая жизнь начиналась за дверями партийных и советских начальственных кабинетов, где представители власти могли позволить себе отступать от норм социалистической морали. Таким образом, для повседневного образа жизни партийно-советской номенклатуры была характерна амбивалентность. Однако опасность такого двойственного существования заключалась в том, что практика повседневной жизни постепенно переносилась на управленческие практики, порождая семейственность, кумовство, злоупотребление властью и коррупцию.

Литература

1. Брусянский М. Дело мадам Вандер-Беллен. Карты раскрыты // Уральский рабочий. 1928. 26 июня. С. 3.
2. Долженкова Е. В. К вопросу о девиантном поведении партийной номенклатуры Курского края в 20-е годы XX века // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2012. № 1-1. С. 222–228.

3. Кондратьева Т. Кормить и править: О власти в России XVI–XX вв. М.: РОССПЭН, 2006. 208 с.
4. Лившин А. Я., Орлов И. Б. Власть и общество: Диалог в письмах. М.: РОССПЭН, 2002. 208 с.
5. Ольгин К. Глаза — на Кушву. Дом терпимости «под благосклонным покровительством» // Уральский рабочий. 1928. 6 мая. С. 5.
6. Сталин И. В. Политический отчет ЦК // XV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.; Л.: Госиздат, 1928. С. 38–82.
7. Туфанов Е. В. Быт и повседневная жизнь советского чиновника в 1920–1930-е годы // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. № 2. С. 127–132.
8. Харина Ф. Н. Негативные явления в партийно-номенклатурной среде 1920-х годов: региональный аспект // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2014. № 4 (30). С. 210–213.
9. Шабалин В. В. «Как и полагалось, жизнью района руководит Круглов...» (конфликты и конвенции в среде партийно-советской бюрократии 20-х гг.) // Разрывы и конвенции в отечественной культуре: [монография] / [О. Л. Лейбович и др.]; [редкол.: О. Л. Лейбович, А. В. Чашухин, О. А. Смоляк]. Пермь: Пермский гос. ин-т искусства и культуры, 2011. С. 88–104.

Literatura

1. Brusyanskij M. Delo madam Vander-Bellen. Karty` raskry`ty` // Ural`skij rabochij. 1928. 26 iyunya. S. 3.
2. Dolzhenkova E. V. K voprosu o deviantnom povedenii partijnoj nomenklatury` Kurskogo kraja v 20-e gody` XX veka // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija i pravo. 2012. № 1-1. S. 222–228.
3. Kondrat`eva T. Kormit` i pravit`: O vlasti v Rossii XVI–XX vv. M.: ROSSPE`N, 2006. 208 s.
4. Livshin A. Ya., Orlov I. B. Vlast` i obshhestvo: Dialog v pis`max. M.: ROSSPE`N, 2002. 208 s.
5. Ol`gin K. Glaza — na Kushvu. Dom terpimosti «pod blagosklonny`m pokrovi-tel`stvom» // Ural`skij rabochij. 1928. 6 maya. S. 5.
6. Stalin I. V. Politicheskij otchet CK // XV s`ezd Vsesoyuznoj kommunisticheskoy partii (b). Stenograficheskij otchet. M.-L.: Gosizdat, 1928. S. 38–82.
7. Tufanov E. V. By`t i povsednevnyaya zhizn` sovetskogo chinovnika v 1920–1930-e gody` // Gumanitarny`e i yuridicheskie issledovaniya. 2017. № 2. S. 127–132.
8. Xarina F. N. Negativny`e yavleniya v partijno-nomenklaturnoj srede 1920-x godov: regional`nyj aspekt // Vektor nauki Tol`yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 4 (30). S. 210–213.
9. Shabalin V. V. «Kak i polagalos`, zhizn`yu rajona rukovodit Kруглов...» (konflikty` i konvencii v srede partijno-sovetskoj byurokratii 20-x gg.) // Razry`vy` i konvencii v otechestvennoj kul`ture: [monografiya] / [O. L. Lejbovich i dr.]; [redkol.: O. L. Lejbovich, A. V. Chashhuxin, O. A. Smolyak]. Perm`: Permskij gos. in-t iskusstva i kul`tury`, 2011. S. 88–104.

S. V. Vorobyov

**«Kushvinsky Delo»:
Everyday Life of the District Party Nomenclature in the Late 1920s**

The article deals with negative phenomena in the daily life of the district party-Soviet nomenclature on the example of the Kushvinsky district of the Ural region. The Kushvinsky case, which appeared in 1928, revealed domestic corruption (drunkenness, debauchery) and the existence of nepotism among the regional district elite. Shows the attempts of the regional and district party leadership to hide the ugly facts of life regional decision makers not to pursue it, to block criticism. Regional nomenclature considered power in the Russian tradition as “feeding” from the post. Deviant behavior was perceived as an unofficial privilege of a representative of the government, and by the end of the 1920s it was becoming widespread.

Keywords: regional party-Soviet nomenclature; district Committee; district control Commission of the district Committee; Uralobkom of the CPSU (b); public house; deviant.